

ИТАЛО КАЛЬВИНО

*ЗАМОК СКРЕСТИВШИХСЯ СУДЕБ
ТАВЕРНА СКРЕСТИВШИХСЯ СУДЕБ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.131.1-32
ББК 84(4Ита)-44
К17

Серия «Эксклюзивная классика»

Italo Calvino
IL CASTELLO DEI DESTINI INCROCIATI
LA TAVERNA DEI DESTINI INCROCIATI

Перевод с итальянского *Н. Ставровской*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

Кальвино, Итало.

К17 Замок скрестившихся судеб. Таверна скрестившихся судеб : [романы]/ Итало Кальвино ; [перевод с итальянского Н. Ставровской]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 192 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-133302-7

Два концептуально связанных романа, представляющих собой классику постмодернистской литературы, а точнее, произведения, в которых принципы этой литературы формируются.

Многообразие способов гадания на Таро и скрытые цитаты из Майринка и Кафки. Отсылки к средневековым легендам, древнему североевропейскому эпосу и буддистской философии, обрамленные стилистикой новелл Итальянского Возрождения. Сам Кальвино называл «Замок скрестившихся судеб» и «Таверну скрестившихся судеб» «книгами-грифонами» — но сейчас их стоит отнести к традиции романа-палимпсеста. Завязка проста — сведенные судьбой дамы и кавалеры повествуют о себе и своих судьбах, но используют при этом не слова, а расклады Таро...

УДК 821.131.1-32
ББК 84(4Ита)-44

© The Estate of Italo Calvino, 2002
© Перевод. Н. Ставровская, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

**ЗАМОК
СКРЕСТИВШИХСЯ
СУДЕБ**

ЗАМОК

Замок в чаще леса служил пристанищем для всех, кого в пути застигла ночь: для рыцарей и дам, кортежей коронованных особ и пеших путников.

Преодолев подъемный мост, я спешил среди темного двора, и лошадей мою приняли безмолвные конюшие. Я обессилел и едва держался на ногах: в лесу мне выпали такие испытания и встречи, зрелища и поединки, что никак не удавалось овладеть собой, собраться с мыслями.

Взойдя по лестнице, попал я в зал — высокий и просторный, где множество людей — они, конечно, тоже оказались здесь случайно, до

меня проехав по лесным дорогам, — ужинали при свечах.

Оглядевшись, я проникся странным ощущением, точнее, двумя различными, сливавшимися в зыбком от смятения и усталости сознании. Казалось, предо мной богатый двор, какого ожидать нельзя было в такой глуши — не только из-за ценной мебели, резной посуды, нет, о том свидетельствовал и царивший среди сотрапезников, которые все оказались хороши собою и одеты элегантно и изысканно, спокойный и вольготный дух. Но в то же время было ощущение случайности и беспорядка, чтобы не сказать — какой-то фамильярности, как будто это не господское жилище, а заезжий дом, где незнакомые между собою люди, неравные по положению, из разных мест, по воле случая проводят вместе одну ночь, и каждый в этом вынужденном сосуществовании чувствует, что может не придерживаться в полной мере правил, бытующих в его среде, и, как смиряются с какими-нибудь неудобствами, снисходит к слишком вольным, непривычным для себя обы-

чаем. На самом деле эти два таких различных впечатления вполне могли бы относиться к одному объекту: возможно, замок, много лет служивший местом кратковременного отдыха, понемногу приходя в упадок, стал в конце концов заезжим домом, а его владельцы опустились до держателей таверны, хоть по-прежнему вели себя как благородные гостеприимные хозяева; таверна же, какие часто строят подле замков, чтобы было где поднять бокал-другой солдатам и конюшим, вторглась — так как замок был давно покинут — в благородные, печатью времени отмеченные залы, разместив там свои скамьи и бочонки, и великолепие обстановки залов вкуче с чередой достославных постояльцев придало этой таверне неожиданное благородство, вскружив головы ее хозяевам, которые в конце концов себя вообразили повелителями при блистательном дворе.

Но, по правде говоря, такие мысли занимали меня лишь мгновенье, их заглушили облегчение от сознания, что я не только уцелел, но и попал в

такое изысканное общество, и жажда поскорее вступить в беседу, обменяться впечатлениями о пережитом с проделавшими тот же путь. По приглашению не то владельца замка, не то хозяина таверны я занял последнее свободное место у стола, где, однако же, — в отличие от того, как происходит и в тавернах, и при дворах, — никто не говорил ни слова. Если кто-то из гостей намеревался попросить соседа передать ему, к примеру, соль или имбирь, он делал это жестом, жестами же обращался к слугам с просьбой отрезать ломтик пирога с фазаном или налить полпинты хереса.

Дабы размять, как полагал я, скованный усталостью язык, я хотел воскликнуть что-нибудь такое, вроде: «Ваше здоровье!», «Приятного аппетита», «Каким же ветром?..» — но из уст моих не вырвалось ни звука. Постукивание ложек, звон бокалов и тарелок убеждали меня в том, что я не глух, и оставалось лишь предположить, что стал я нем. Мне подтвердили это сотрапезники, также со смиренным видом безмолвно шевелившие губами:

стало ясно, что проезд по лесу стоил всем нам дара речи.

Закончив ужин в тишине, которую не сделали непринужденнее причмокивание губ, отхлебывавших вино, и звук жевавших челюстей, мы все сидели, глядя друг на друга и упорно думая, как поделиться многочисленными испытаниями, о которых мог бы рассказать любой из нас. И тут на стол, откуда только что убрали грязную посуду, предполагаемый владелец замка положил колоду карт таро — покрупнее тех, что используются при игре или при ворожбе цыганками, но с похожими фигурами, выписанными такими лаками, какими пишут драгоценнейшие из миниатюр. Короли и дамы, рыцари и пажи были разодетые роскошно, как на царский праздник, молодые люди, все карты Старшего Аркана выглядели гобеленами придворного театра, Чаши, Мечи, Посохи, Динарии сверкали как эмблемы на гербах с картушами и фризами.

Мы принялись раскладывать карты вверх фигурами, будто желая научиться безошибочно их узнавать,

дабы не путать при игре иль верно толковать, гадая. Но непохоже было, чтобы кто-нибудь желал начать игру, тем более заняться прорицанием грядущего, — казалось нам, что мы его лишились, остановлены на полпути, которому не суждено продолжиться. В этих таро мы видели нечто иное, не позволявшее нам отвести глаза от позолоченных частиц этой мозаики.

Один из сотрапезников придвинул к себе россыпь карт, освободив почти весь стол, но не стал ни собирать в колоду их, ни тасовать, а положил перед собой. Мы все заметили, как схож он с тем, кто на одной из них изображен, и показалось нам, что этой картой обозначил он себя и собирается нам рассказать свою историю.

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК БЫЛА НАКАЗАНА НЕБЛАГОДАРНОСТЬ

Представляясь картой, где изображен был *Рыцарь Чаш* — белокурый и розоволицый юноша, который щеголял расшитым солнцами плащом, держа в протянутой руке предмет, похожий на дары волхвов, — наш сотрапезник, вероятно, хотел поведать о своей зажиточности, тяге к роскоши и расточительности и одновременно — судя по тому, что рыцарь восседал верхом, — о жажде приключений, хоть и движим он — решил я, глядя на все эти вышивки, которыми была украшена попона скакуна, — скорее желанием

покрасоваться, нежели призыванием к рыцарству.

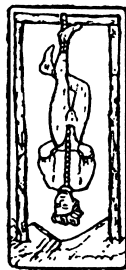
Красавец жестом призвал нас ко вниманию и начал безмолвный свой рассказ с выкладывания в ряд на стол трех карт: *Короля Динариев*, *Десятки той же масти* и *Девятки Посохов*. Печальным видом, с которым положил он первую из трех, и радостным, с каким показывал вторую, он словно бы хотел нам сообщить: после смерти своего отца — *Король Динариев* был солидный, явно благоденствующий господин постарше прочих персонажей — вступил он во владение значительным наследством и тотчас пустился в путь. Об этом заключили мы по жесту, коим бросил он *Девятку Посохов*, — сплетением ветвей, простершихся над негустым покровом из цветов и листьев, она напоминала лес, откуда мы недавно выбирались. (Если ж приглядеться повнимательнее, в вертикальной полосе, которую пересекали остальные, виделась как раз дорога, углублявшаяся в чашу.)

В общем, наверно, дело было так: наш рыцарь, едва узнав, что обладает

средствами, достаточными, чтобы блистать при самых ослепительных дворах, поспешил отправиться в дорогу с мешочком, полным золотых монет, намереваясь объехать знаменитейшие замки всей округи, вероятно, с целью приискать себе высокородную невесту, и, лелея таковые грезы, углубился в лес.

К ряду карт добавилась очередная, явно предвещавшая дурную встречу, — *Сила*. В нашей колоде эту карту Старшего Аркана представлял какой-то бесноватый, относительно злых помыслов которого не оставляли ни малейшего сомнения и безжалостное выражение лица, и занесенная дубина, и то, что льва он уложил одним ударом, словно кролика. Все было ясно: в чаще леса рыцарь неожиданно подвергся нападению свирепого разбойника. Самые печальные предположения подтвердила следующая — двенадцатая — карта Старшего Аркана, *Подвешенный*, изображающая связанного и подвешенного за ногу вниз головой человека в рубашке и штанах. В висящем мы узнали нашего блонди-

на, которого разбойник, обобрав, подвесил к ветке.

Мы с облегчением вздохнули, видя, как красавец с благодарным видом кладет на стол *Воздержанность*. Эта карта рассказала, что подвешенный услышал близившиеся шаги и перевернутые очи его увидели девушку, возможно, дочку козопаса или лесника: та шла по лугу босая, с двумя кувшинами воды, явно от источника. Нам сразу стало ясно: именно эта простая девушка высвободила несчастного и помогла ему вернуться в естественное положение. Когда же лег на стол *Туз Чаш*, с изображением источника, бывшего среди цветущих мхов и шелестящих птичьих крыл, мы словно бы почувствовали рядом журчание родника и шумное дыхание человека, лежа утоляющего жажду.

Но есть такие источники, конечно, подумал кое-кто из нас, которые, когда пьешь из них, наоборот, усиливают жажду. Можно было предсказать, что, только рыцарь совладеет с головокружением, меж молодыми вспыхнет чувство, выходящее за рамки благодар-

ности (со стороны освобожденного) и жалости (со стороны спасительницы), каковое — при содействии лесного полумрака — сразу же получит выражение в их объятьях на траве. Недаром следующей картой стала *Двойка Чаш*, украшенная картушем с надписью «Любовь моя» и множеством цветущих незабудок, — более чем вероятный знак любовного свидания.

Мы все — в особенности дамы — приготовились уж насладиться продолжением нежных отношений этой пары, когда рыцарь положил другую карту *Посохов*, *Семерку*, где за темными стволами увиделась нам удалявшаяся его тень. Не стоило питать иллюзий, будто дело разворачивалось по-иному: та лесная идиллия была недолгой, неблагодарный кавалер, сорвав и выронив тотчас же на лугу цветок, даже не оглядывается, чтоб попрощаться с бедной девушкой.

Было ясно: начинается вторая часть прервавшейся истории; действительно, рассказчик стал выкладывать другие карты в новый ряд, левее первого, и положил уже *Императрицу* и

